

Орлов Дмитрий Николаевич, Орлова Наталья Александровна, Белкова Василина Андреевна
Самарский государственный технический университет

Orlov Dmitry, Orlova Natalia, Belkova Vasilina
Samara State Technical University

ОПЫТ ПРЕДЕЛЬНОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

THE EXPERIENCE OF THE ULTIMATE PHILOLOGICAL METAPHOR IN ARCHITECTURAL DESIGN

Авторы этой работы напоминают о популярнейшем в конце XX в. методе архитектурной рефлексии, который вновь становится актуальным в современном мире метамодернизма. Изложение теоретических оснований филологической метафоры в архитектурной практике проиллюстрировано собственно опытом проектирования, вдохновленным литературным произведением.

The authors of this work recall the most popular method of architectural reflection at the end of the twentieth century, which is again becoming relevant in the modern world of modernity. The presentation of the theoretical foundations of the philological metaphor in architectural practice is illustrated by the actual design experience, inspired by a literary work.

Ключевые слова: метафора, архитектура, Борхес, квест, исследование, вымыслы

Keywords: metaphor, architecture, Borges, quest, investigation, fiction

Архитектура тесно связана с другими областями наук: строительной техникой, математикой, физикой, химией, климатологией, социологией и др. В поисках новых идей архитекторы часто обращаются к литературе, театру, музыке и другим видам искусств. Связь между архитектурой и другими областями науки и искусства неразрывна и взаимна.

Деятельность по формированию искусственной среды обитания человека, определенные аспекты которой принято называть «архитектурой» – это неотъемлемая часть глобального феномена, который, в свою очередь, принято называть «цивилизацией», а некоторые ее аспекты – «культурой». Являясь частью культуры архитектура неотделима от других ее аспектов. В ней также проявляется стремление к познанию нового, эстетическому формотворчеству, к искусству и коммуникации между людьми. Поэтому не случайно в культурологии, искусствоведении, теории архитектуры и других формах рефлексии по поводу этой деятельности попытки поиска гомогенности различных форм проявления культуры. Иногда это метафорический перенос («Архитектура – это застывшая музыка» [1]), но достаточно часто это попытки применения всего теоретического инструментария из одной области исследования на другую. При этом подразумевается сущностное единство и глубокое совпадение оснований различных областей культуры. Так, с середины XX в. инструментарий лингвистики начинают применять в области теории архитектуры, подразумевая таким образом, что архитектура в значительной степени это способ коммуникации,

близкий к языковому. «У архитектуры и языка есть разного рода аналогии, и, если оперировать терминами свободно, можно говорить об архитектурных «словах», «фразах», «синтаксисе» и «семантике» [2].

Начиная с послевоенного времени и почти до конца XX в. теория архитектуры и рефлексии на эту тему вне теории в основной своей массе происходили под влиянием дискурса структуриализма и постструктуриализма. Вся архитектура была «языком», она требовала расшифровки, прочтения, интерпретации. Архитектурная критика превратилась в герменевтику и стала доступной только для интеллектуалов. Двойное кодирование Дженкса это скорее реакция на объективный кризис архитектуры как культурного явления, чем остроумие автора. Тем не менее, лингвистический инструментарий и на уровне методов проектной рефлексии аналитики, и на уровне филологической метафоры сегодня стала неотъемлемой чертой архитектуры [3]. Взаимопроникновение языкового пластического и функционального мышления в архитектуре в настоящее время очевидно.

Архитектура является средством коммуникации. Она может передавать огромное количество сообщений, знаков. Это могут быть целые системы, которые считываются по-разному, в зависимости от осведомленности, заинтересованности и визуального опыта публики [4]. Сообщения могут передаваться посредством прямого считывания знаков входящих в вокабуляр общепризнанной договоренности или вернакуляр локальной идентичности, по аналогии с литературным и жаргонным языками. На этом уров-

не возможно применение приема цитирования. Более сложные сообщения передаются на уровне ассоциаций поверхностных (метафора, гипербола, литота и т.д.) и глубинных (аллитерация, ритмизация, рифма и т.д.). Уровень глубоких ассоциаций в пределе объединяет все известные виды искусств, включая изобразительное искусство, музыку и все виды кинестетики. Коммуникативность на таком уровне парадоксальным образом с одной стороны предельно трудна для освоения и анализа, а с другой стороны предельно понятна даже в отсутствии контекста и любых вокабулярных договоренностей. Этот уровень отрицает саму необходимость расшифровки и структуризации текста.

Язык архитектуры и язык литературы при всем их сходстве, явление не полностью гомогенное. Это скорее метафора, допущение. Но метафора довольно плодотворная.

Язык архитектуры может быть элементом языка театра, кинематографа, музыки и литературы. Изобразительное искусство иногда трудно отделить от архитектурного. Литература обращается к архитектурному языку на уровне композиционном (ритм,

монументальность, цикличность, симметрия и т.п.), на уровне повествовательном, описывая свойства пространства, в котором происходит действие, а также на уровне смысловом, когда темой литературного произведения становится сама архитектура, как феномен человеческой деятельности. Последний вариант можно обнаружить в ряде произведений аргентинского прозаика, поэта и публициста Хорхе Луиса Борхеса [5]. Описание рукотворного мира помогает читателю понять смысл произведения, а иногда становится главным сюжетом. Так рассказ «Вавилонская библиотека» это по сути архитектурный проект. В этом рассказе нет ничего кроме описания объекта капитального строительства. Другой рассказ «Тлён, Укбар, Орбис Терциус», впервые опубликованный в мае 1940 г. и входящий в сборник «Вымыслы», посвящен влиянию мира идей на физический мир. Построенный в форме ироничного вымышленного расследования с массой аллюзий и симулякров, текст Борхеса в достаточно простой и лаконичной форме знакомит читателя с основными позициями философии крайнего идеализма. По мере развития сюжета выясня-

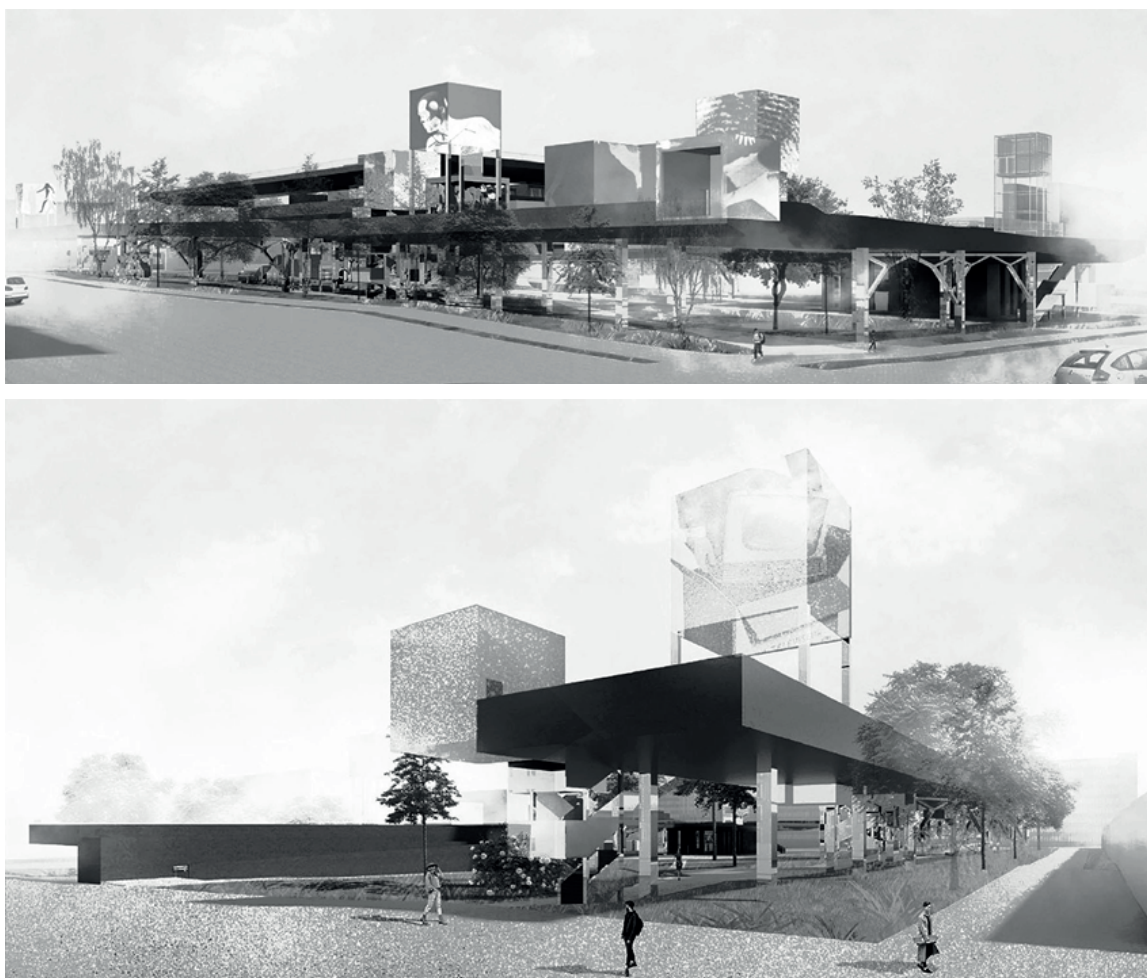

Рис. 1. Общий вид объекта

ется, что объективная реальность формируется литературой, миром идей, порождённых творческим сознанием. Сами физические основы мира становятся функцией стиливых приемов и языковых форм.

Связь архитектуры и жителей Тлёна, является существенной частью, фабулой рассказа. В мире Борхеса роль языка предельно гипертрофирована. Язык начинает оказывать влияние на пространство обитания человека и его материальное окружение. Язык становится архитектурой.

Нас заинтересовала идея формирования среды обитания человеком на основе филологической метафоры с борхесовской плотностью влияния языка. В рамках курсового проектирования была выполнена работа (рис.1), осуществляющая перевод-интер-

претацию [6] этого рассказа Борхеса вновь на язык архитектуры. Информационная перенасыщенность такой среды может соответствовать ситуации общественного экспозиционного пространства.

В работе представлены рассуждения об этой функции архитектуры и её восприятии. «... видимый мир был иллюзией или (что точнее) неким софизмом Зеркала ...» [5]. Зеркала имеют способность к иллюзии (рис. 2). Зеркальная поверхность позволяет сливаться с окружением, маскироваться или, наоборот, «умножать существующее» [5].

«Народы той планеты от природы идеалисты (рис.3). Их язык и производные от языка религия, литература, метафизика предполагают исходный идеализм. Мир для них не собрание предметов в пространстве, но пестрый

СВОЙСТВА ЗЕРКАЛ

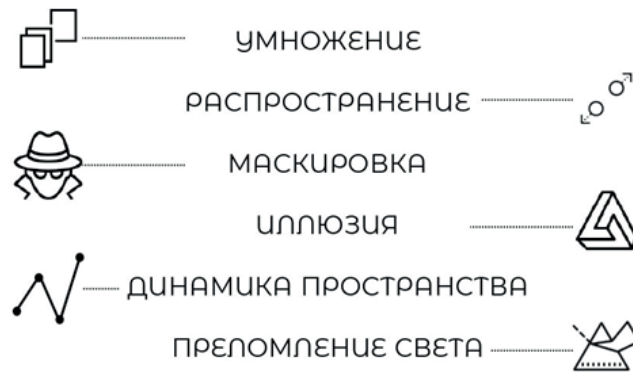

Рис. 2 Свойства Зеркал

Идеализм

Рис. 3 Основные постулаты идеализма

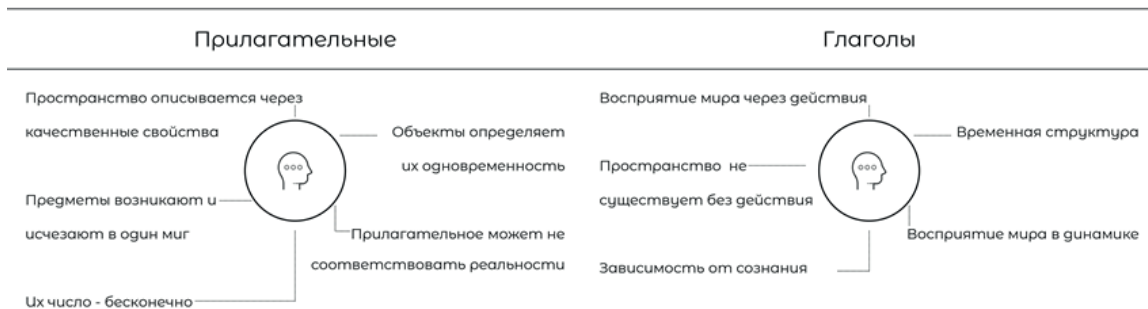
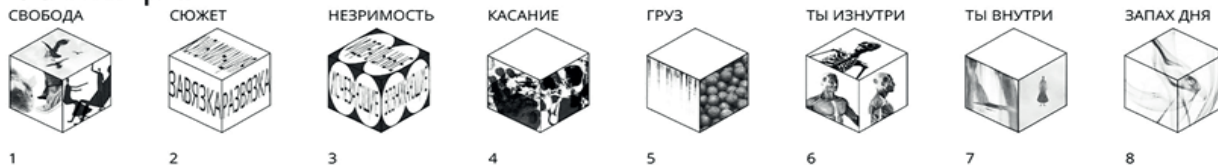

Рис. 4. Мир прилагательных и глаголов

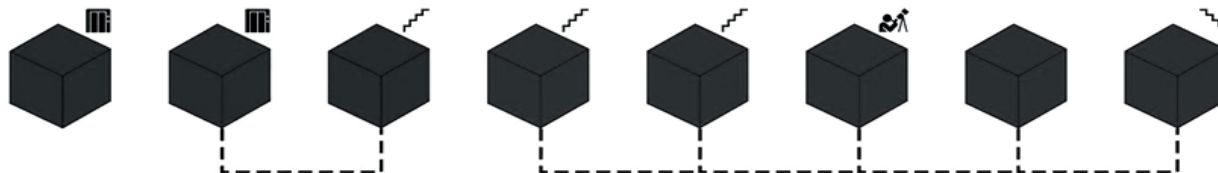
ряд отдельных поступков. Для него характерна временная, анепространственная последовательность» [5].
 В Южном полушарии мира Тлёна царят глаголы. Мир воспринимается через действия, для него характерна временная структура, пространство не существует без действия, мир воспринимается в динамике (рис. 4).

В Северном полушарии мира Тлёна царят прилагательные. На языке прилагательных пространство описывается через качественные свойства, объекты определяет лишь их одновременность, предметы возникают и исчезают в единый миг, могут не соответствовать реальности и их число бесконечно (рис. 4).
 Таким образом, в мире Тлёна человек – центр мира,

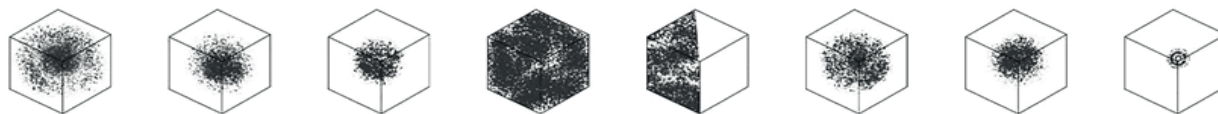
ФУНКЦИЯ

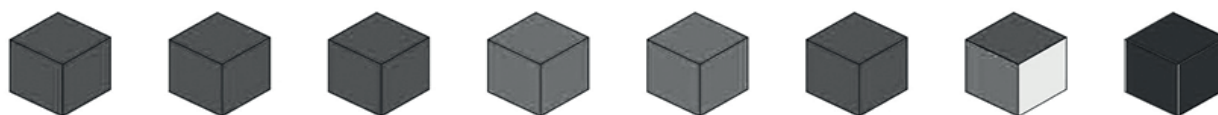
СВЯЗИ И КАТЕГОРИИ

ВРЕМЯ

ВОСПРИЯТИЕ

ПОЯСНЕНИЯ К СХЕМЕ Связи и Категории

- Прилагательные
- Хренеры
- Глаголы
- Музей
- Посмотри ВВЕРХ
- Поднимись по лестнице
- Спустись по лестнице
- Пройди по мосту

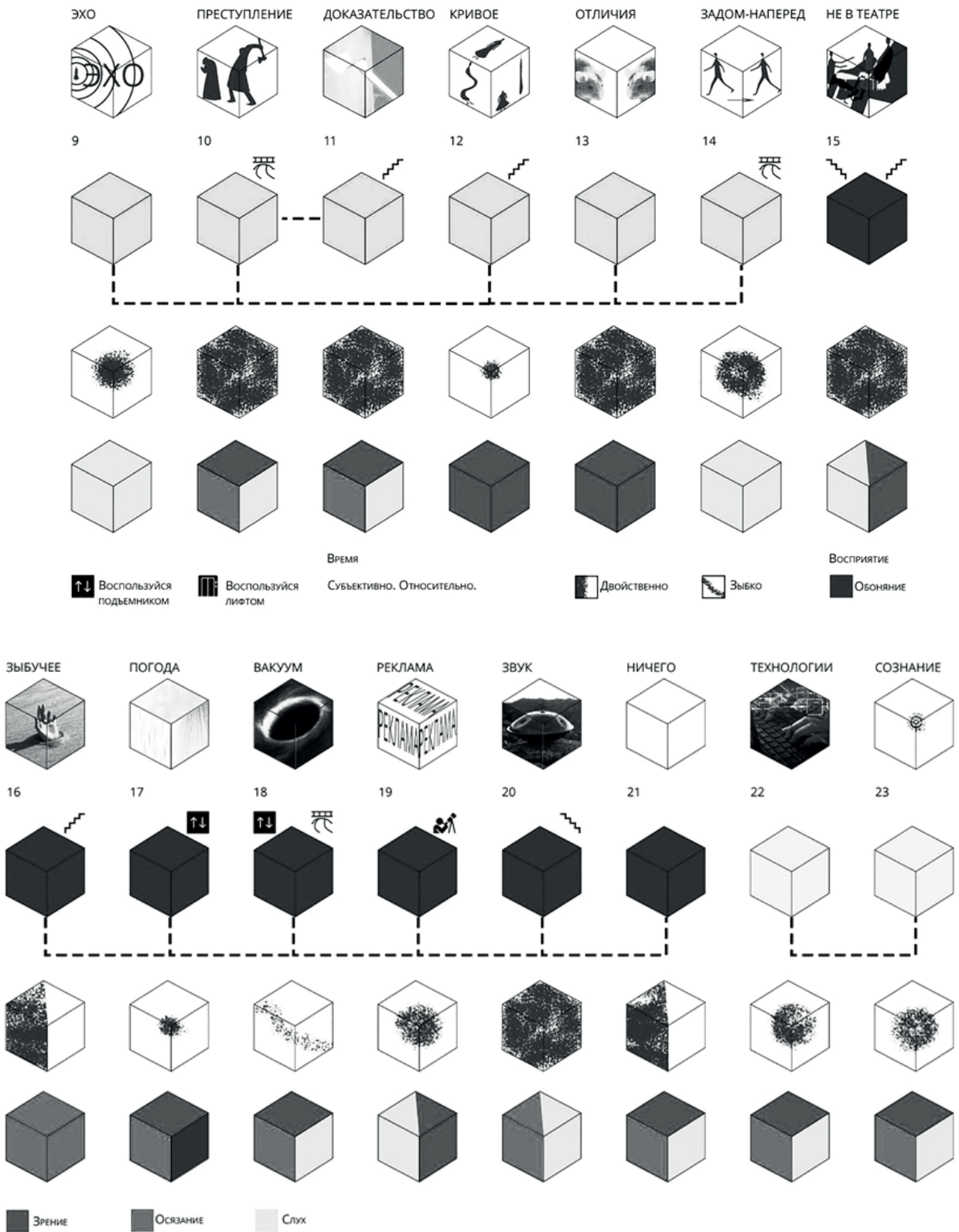

Рис. 5. Функциональная программа

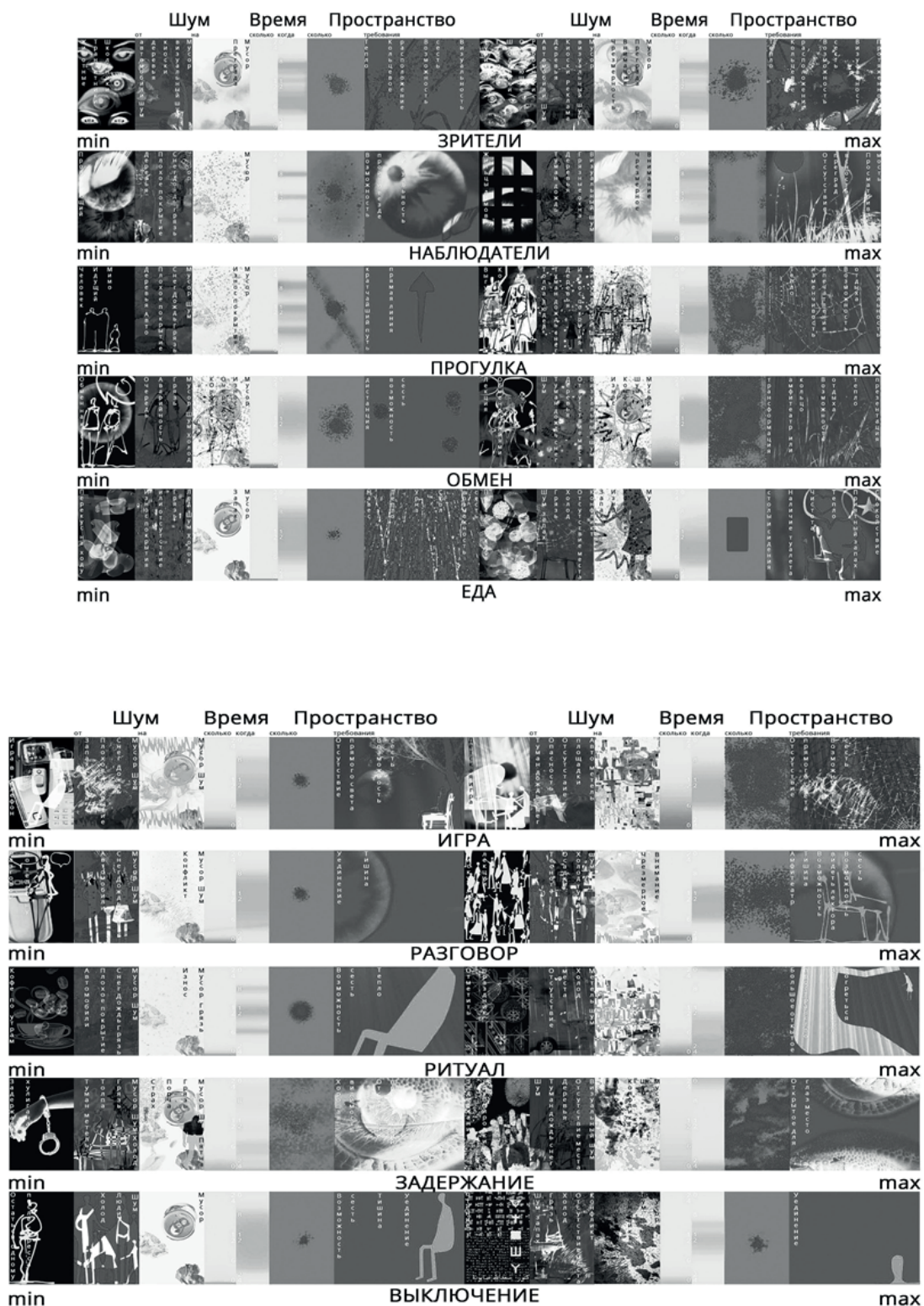

Рис. 6. Паттерны ощущений

наука неполноценна, для него характерна временная последовательность и царит тотальный идеализм (рис. 5).

В работе представлено воспроизведение мира Тлёна в архитектурном проекте. Объект проектирования – сквер по адресу г. Самара ул. Агибалова, ул. Спортивная, ул. Маяковского, ул. Вилоновская, который расположен в центре Самары рядом с Железнодорожным вокзалом и крупнейшими торговыми центрами. Но при этом сквер практически не используется, не является центром притяжения. Мы изучили градостроительные, функциональные и др. особенности этого участка. Кроме анализа территории был произведен анализ «ощущений» (рис. 6), важный для того, чтобы воспринимать объект так, как воспринимают мир жители Тлёна. Была представлена карта (рис. 7), отражающая мир Тлёна и идею исходного идеализма.

Особое место в проекте занимают «капсулы». Это небольшие изолированные помещения для посещения в одиночку или небольшими группами (рис. 8). Каждая из этих «капсул» оборудована различными мультимедийными устройствами и предназначена для получения особого опыта или ощущения [7]. Попадая внутрь, мы воспринимаем пространство лишь ощущениями (осязание, слух, обоняние, зрение). Например, прилагательные уносят нас в мир иллюзий.

Первая капсула позволяет нам визуально переместиться в любую часть Самары, почувствовать себя на вершине памятника, на площади, либо же наоборот увидеть наш город так, как его видят маленькие мыши, а может посидеть с кем-то за одним столиком в кафе, находясь при этом на одном и том же месте.

По мере движения по объекту мы попадаем сначала в мир прилагательных, которые описывают не только видимый мир, но и то, что создает наше сознание, затем в мир глаголов, где пространство воспринимается через действия. Далее мы можем попасть в мир хрениров, которые свидетельствуют о повторяемости объектов, однако каждый из объектов единственный в своем роде. Наверху находится Бессознательное, оно оторвано от земли, там нет объектов, однако с этой зоны мы можем увидеть все (рис. 8). «Глаголами» и «прилагательными» является простая, обезличенная форма. Объект воспринимается во времени, в единый миг.

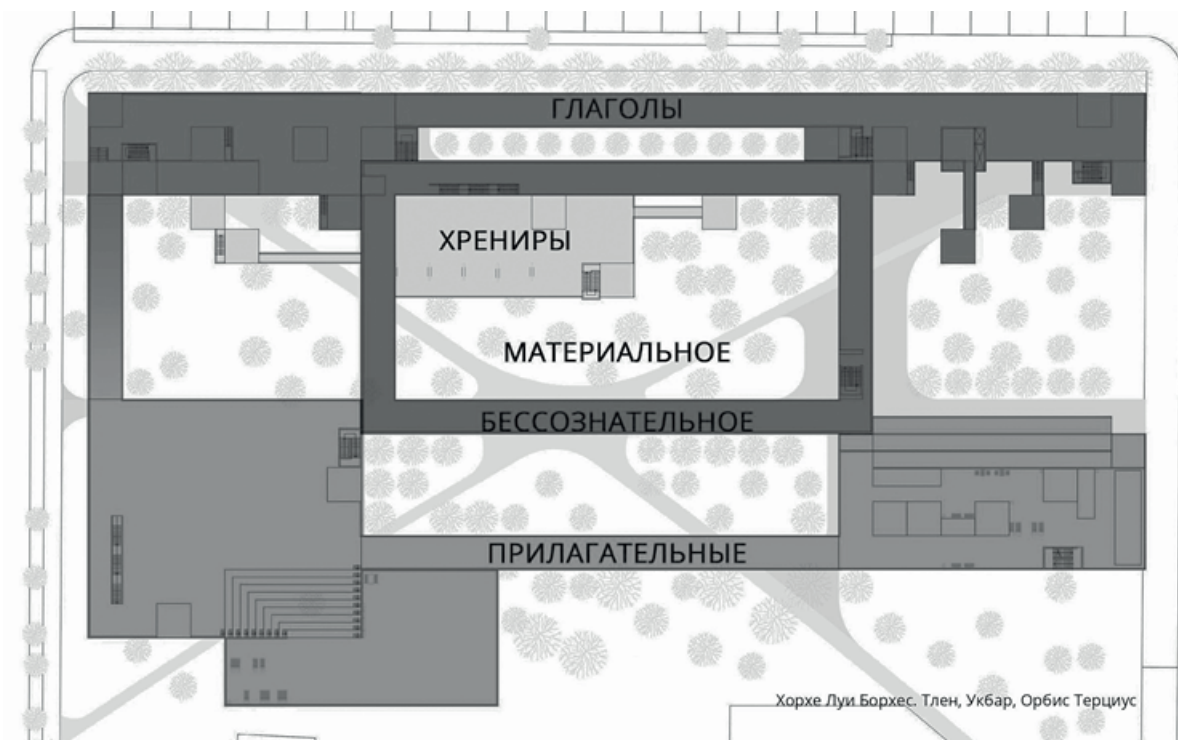

Рис. 7. Планировочная схема

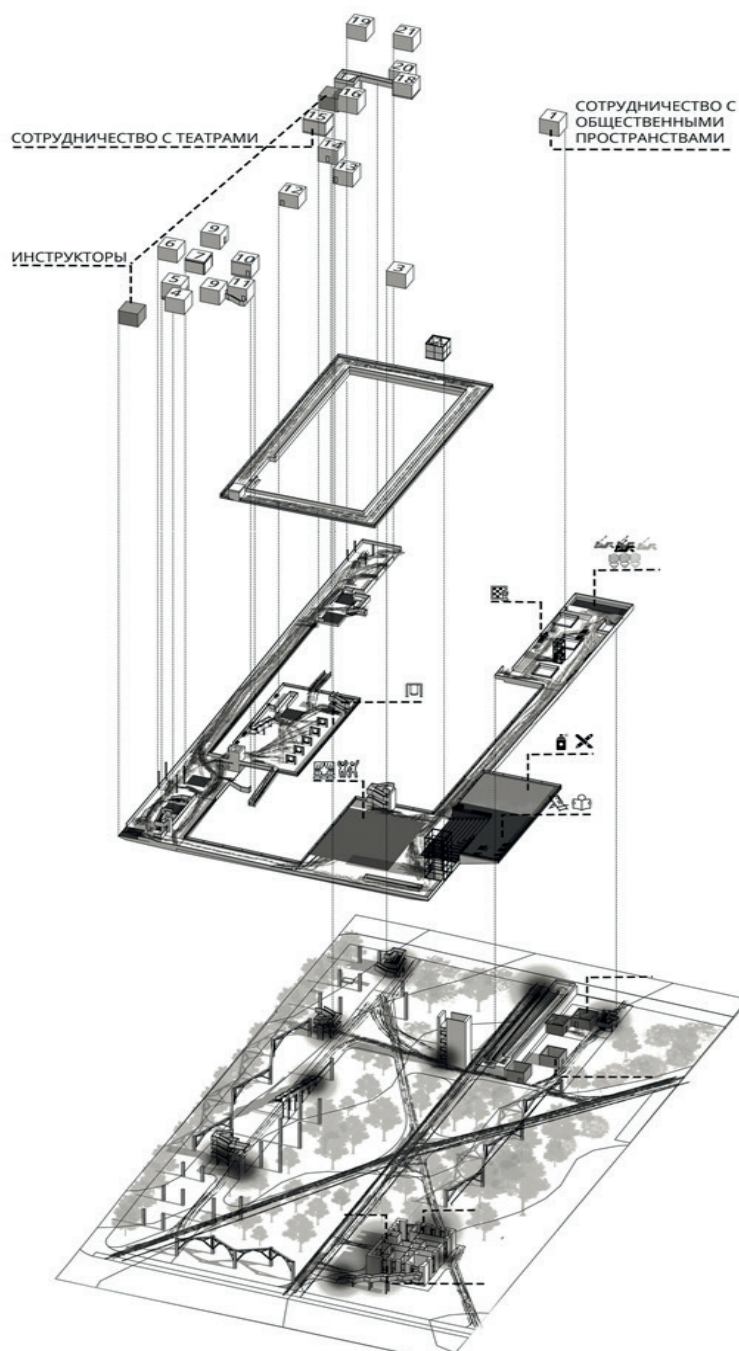

Рис. 8. Схема размещения основных объектов на территории сквера

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шеллинг Г. В. Ф. Философия искусства / Под ред. М. Ф. Овсянникова. М., «Мысль», 1966 496 с.
2. Дженкс, Ч.А. Язык архитектуры постмодернизма [Текст] / Чарльз А. Дженкс ; пер. с англ. А. В. Рябушина, М. В. Уваровой ; под ред. [и с предисл.] А. В. Рябушина, В. Л. Хайта. - Москва: Стройиздат, 1985. - 137 с.
3. Орлов, Д. Н. Лингвистическая метафора как ведущий мотив дискурса контекстуальной архитектуры / Д. Н. Орлов, Н. А. Орлова // Традиции и инно-

вации в строительстве и архитектуре: Сборник статей 77-ой всероссийской научно-технической конференции – Самара, 2020. – С. 404-410.

4. Росси А. Архитектура города / пер. с итал. М.: Stelka Press, 2015. 264 с. 6. Барт Р. Мифологии / пер. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.
5. Борхес, Хорхе Луис. Собрание сочинений: [В 4 т.: Пер. с исп.] / Хорхе Луис Борхес; [Сост., предисл. и примеч. Б. Дубина]. - СПб. Амфора, 2000
6. Орлов Д.Н., Орлова Н.А. Интерпретация архитектурного произведения // Innovative project. 2018.

Т.3, №9. С.42-50. DOI: 10.17673/IP.2018.3.09.3

7. Скотт Маккуайр. Медийный город: Медиа, архитектура и городское пространство: пер. с англ. - М., 2014.

REFERENCES

1. Schelling G.V.F., editors. M. F. Ovsyannikov. Philosophy of art. Moscow: mysl, 1966, 496 p
2. Jenchs C.A., editors. Ryabushin A.V., Hite V.L. The Language of post-modern architecture. Moscow: Strojizdat, 1985. - 137 с.
3. Orlov D.N., Orlova N.A. Linguistic metaphor as the leading motive of the discourse of contextual architecture. In: Traditions and innovations in construction and architecture: Collection of articles of the 77th All-Russian Scientific and Technical Conference, Samara: Samara State Technical University, 2020. pp. 404-410.
4. Rossi A. Arhitektura goroda [Architecture of the city]. Moscow, Strelka Press Publ., 2015, 264 p
5. Borges J.L., preface Dubin B. Collected works: In 4 volumes: Translated from Spanish. St. Petersburg: Amphora, 2000
6. Orlov D.N., Orlova N.A. Interpretation of architectural works. Innovative project. 2018. Vol.3, No.9. P. 42-50. DOI: 10.17673/IP.2019.3.09.3
7. McGuire S. Media City: Media, Architecture and Urban. Moscow, 2014.

Для ссылок: Орлов Д.Н., Орлова Н.А., Белкова В.А. Опыт предельной филологической метафоры в архитектурном проектировании // Innovative project. 2021. Т.6, №12. С. 74-82. DOI: 10.17673/IP.2021.6.12.9

For references: Orlov D.N., Orlova N.A., Belkova V.A. The experience of the ultimate philological metaphor in architectural design. Innovative project. 2021. Vol.6, No.12. pp. 74-82. DOI: 10.17673/IP.2021.6.12.9